

18+

MAXTAMHET

MASSA
FAM
MASSA

Илья Мазаев

#Ихтамнет

«Издательские решения»

Мазаев И.

#Ихтамнет / И. Мазаев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-557978-2

Их не будет ни в парадных реляциях, ни в списках потерь. Рассказы про фантастические приключения «несуществующих» солдат. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-557978-2

© Мазаев И.
© Издательские решения

Содержание

Дебит1	6
Корней	8
Февраль 2018	10
Четвертый крест	12
Голова	18
Сундук и общество свидетелей Обжорки	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

#Ихтамнет

Илья Мазаев

Корректор Мария Черноок

Дизайн обложки Ольга Третьякова

© Илья Мазаев, 2021

ISBN 978-5-0055-7978-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дебит¹

Таможня улыбалась, по-доброму, грустно, освещая пространство печалью, – такими могут быть только глаза женщины. Кругом слова – напутствующие и обнадеживающие. Их не обмануть новенькой, с иголки, спецодеждой «Газмяса». Ведь рентген демонстрировал в чреве каждого баула броню, каску, оптику, обвесы – мужские игрушки, продлевающие жизнь. Месяц за месяцем они видели реальный дебет-кредит человеко-гробов, туда – развязанные бруталы, а обратно – почти они, приправленные загаром и марсианской пылью, но в компании цинковых ящиков с упокоенными фрагментами. Бывает. Кто на кого учился. Конвейер. Меняются надписи на спецодежде, но постоянно содержание мешков. Проходим зеленую зону, стараясь не смущать обывателя агрессивными рожами. Однако затор случился, проблема с весом багажа или его содержимым. Очередь встала. Некстати подъехал еще один автобус «газовщиков». До эскалатора выросла длиннющая очередь. Бруталы сбились в группки, а гулкой галдеж привел скользкую конспирацию к общему знаменателю. Редкие ночные прохожие смотрели безразлично, лишь иногда – с любопытством. «Газмяс» делал свое коварное дело. Ремесло соратников смердело тайной. Некоторые, падкие до хайпа парни лезли из кожи вон, чтобы оскалить миру свое истинное лицо: штаны буржуйского «мультикам»² или модная «лова»³. Где-то мелькнет кубанка поверх десантного тельника, а между ними – одухотворенное лицо. Павлиний характер в противовес гладкой упитанности племса. Однако сонным гражданам по большому счету наплевать. И даже более того, скажи им прямо, что ты по доброй воле собрался на чужую войну, кого-то там рубить «на дальних подступах», плюнут в карму и рассмеются. А то и приколотят к придуманному тобой образу сказочного витязя в косоворотке и телогрейке жестокий вывод – «долбоеб».

Таможня глядит в корень твоему наигранному пафосу, то, где мы приобретаем самоуважение, что скрыто под тельняшкой и бородой. Страх, беспокойство? Увольте – пустота! Фатал, возможность бросить рулевое весло, захлебнуться в водовороте событий, раствориться в приключенческом сценарии. И похер, раб ты Божий или сын Его, коловрат на тебе или крест, веришь в Вальхаллу, рай или общую теорию относительности. В омут наудачу. В куртках «Газмяса», с баулами в 30 кг, с куражом на сердце. В состоянии жизни. Когда не бьешься в мешчанстве, как автомат, а вертишься вошью на острие жизненных обстоятельств. Полное погружение в среду. Каждая ложка – лучшая в жизни еда, кофе с кардамоном, варенный на костре из снарядных ящиков, которые нес триста метров из ущелья, – невероятное питье, а бомж в соседнем окопе – единственный человек на земле с глазами Христа, попутчик, герой. Однажды ты почувствуешь его смерть. Серость на лице, извиняющиеся глаза на уставшей душе. И выпадет пазл из твоего уклада. Хлоп. Падают кеглями случайные попутчики. Нас называют неудачниками и адреналиновыми наркоманами. Пустое. Адреналин – для офисного планктона: страйкбол, лыжи, мотоцикл. Сотруднику «Газмяса» – бабло, и жить в каждом миге, в каждом вдохе, среди одинаково сумасшедших. Вот очередь потекла, загремели по полу рюкзаки. То, что должно было случиться, конечно, произошло – кого-то зацепил прохожий.

– Мужики, а вы куда?

– В Дубай, братан. Нефть качать.

– Блин, повезло! – протягивает завистливо крохотный мужичок. Засучил ножками, запорхал руками, видимо, решив, что вот-вот приоткроется дверь в светлое будущее. Забрз-

¹ Дебит является интегральной характеристикой источника (буровой скважины, трубы, колодца и т. п.), определяющей его способность генерировать продукт.

² Мультикам – маскировочная расцветка.

³ LOWA – марка обуви.

жило рахат-лукумом и грудастыми краснодарскими дивами под мясо и горячительное. Дядька решается:

– А к вам можно?

Скиф добр и разговорчив,

– Конечно, брат. Текучка будь здоров.

– Да ну! – Глаза мужичонки загорелись.

– Я тебе говорю, – Скиф моргает честными глазами, – телефон пиши.

Мужик хлопает себя по карманам, в дрожащих от нетерпения руках возникает мятый блокнот, кто-то услужливо протягивает карандаш.

– Спасибо. – Ветер будущего опалил мозг просителя атомным светом, земля катила из-под ног, а в душе бились стрекозиные крылья. Скиф глумливо улыбнулся очереди и продиктовал цифры. Не замечая ничего вокруг, мужик сложил блокнот вдвое, рассыпаясь в благодарности, удалился. Скиф театрально выдержал паузу, прежде чем произнести:

– Начштаба будет рад.

Коридор взорвался смехом, открытым, развязанным.

Но вот засуетились старшие, затор рассосался, и рюкзаки пошли через рамку таможни. Подальше от посторонних глаз, мыслей и выводов. Не дай бог новости посмотрят и свяжут видимое, разумное с очевидным. Очередь подтолкнула меня к таможенной зоне.

– Следующий!

Пять длинных шагов.

– Доброй ночи. – Протягиваю паспорт в окошечко, бейсболку – долой, на лицо – широкую людоедскую улыбку с прорехой между клыками. В ответ – колючий взгляд таможенницы. Паспорт подвергается быстрому, но цепкому изучению. Длинные пальцы с лаконичным маникюром затарахтели по компьютерной клавиатуре. Я скучаю, по привычке жду подвоха. Неожиданно официальная маска падает, женщина улыбается.

Тревожусь.

– Все в порядке? – Принимаю паспорт из ее рук.

– Я вас месяц назад встречала, – объясняет она, неуловимым движением ресниц показывает на экран, – ОТТУДА. Вы здесь проходили.

Честно, не знаю, что ответить, кручу между пальцами паспорт. Конспирация плюс тугодумие связали язык. Но не хочется в ответ на столь мягкую откровенность прослыть невежей.

– Хм, – туплю я.

– Все хорошо у вас будет.

На ум пришло нейтральное:

– Спасибо.

– Удачи, вам, ребята. – Она подтолкнула меня кивком и наставительно добавила: – Возвращайтесь!

Я отворачиваюсь от нее, послушно шагаю прочь. Над кабиной загорается зеленый огонек.

В спину слышится:

– Следующий.

Корней

Группа месила грязь. Была суббота, мечталось сбросить казенную одежду, упасть в гостиничном номере после горячего душа. И водки, в конце концов. И конечно же – баб. Но больше водки. Достало. День стремительно сжимался, как кольцо сфинктера. Пропадало солнце, замазывая вечер серым. От бесчисленных километров дрожат ноги, мелькают перед глазами мокрые березы, согнутые спины, кариматы, рюкзаки. Потяжелевшее «весло»⁴ цепляется за все. Мы все будто ослы, груженные ВВ, кабель-трассами и инженерной тряхомудиной. Сейчас тошнанный запах морга вспоминается тепло – копайся в тазу с ливером и не потей. Ривьера. Оказалось, что вчера было хорошо. Сейчас Корней идет передо мной и шутит про морг. Обсуждаются прелести трупного разложения. Инструктор Михалыч топает вне строя, правее. Косится, но молчит. Его выход будет вечером, когда он, намотав на ус, вставит группнику Шуру. А тот, в свою очередь, бесновато повращает глазами, махнув рукой:

– Да и нах!

Антип позади, угрюм и сосредоточен. Бурчит под нос по-стариковски. Молод, по-жизненьски мудр. Дед Антип – ему бы ермолку и топор за кушаком. Бык в голове вскинул руку и, присев на колено с ожиданием смотрит на Михалыча. На Шуру. Михалыч, не теряя хода, ритмично, как ледокол, раздвинул корпусом заросли орешника. Кусты затрещали сухими выстрелами. Он выбрался на край раздолбанной дороги, где начинался полигон. Повел взглядом влево, вправо. Минуя группника, обратился к Марвелу:

– Паша, все помнишь? Две ОЗМ⁵. Одна поднимает другую.

Марвел слотнул:

– Плюс.

– Математик, нах. Так точно. Но нифига, не помнишь. Долбо-е-бы. – Михалыч произвел в воздухе замысловатый жест покалеченной клешней. – Шура, все хреново.

– Да пох, – огрызнулся Шурик.

– Марвел, про МУВ⁶ хотя бы не забыл, какие кольца дергать? Не мамкины сиськи, запомнить недолго. Показать еще раз?

Марвел явно взвесил все аргументы и, поняв, что час между выходным и чавкающей грязью явно лишний, отрицательно покачал головой. Однако одутловатые щеки побледнели. Михалыч принялся рулить:

– К снаряду, голуби! Солнце низко, бляди близко. Компренде⁷?

– Плюс.

– Полное компренде, – захохотал Корней, старлей-разведчик, душа компании и балагур, способный завязать продуктивный контакт что с собакой, что с генералом. Он легко хохмил, естественно, как пустить шептуна. Зато по делу. Михалыч наклонил голову, изучая Корнея, потом переключился на Марвела. Снова на Марвела. Потом твердо заявил старлею:

– Ты пойдешь.

Марвел покраснел:

– С чего?

– Учи магчасть, Паша, – и опять показал кисть с полупальцами. Марвел поник, спрятав почерневшее лицо. Корней, напротив, загорелся куражным бесовским светом.

⁴ Весло (СВД) – народное прозвище винтовки Драгунова.

⁵ ОЗМ-72 – страшно крутая мина.

⁶ МУВ-3 – модернизированный упрощенный взрыватель.

⁷ Понятно (исп.).

Шурик начал бросать распоряжения, заставляя рассыпаться отряд на подгруппы. Расползались по распадку, занимая позиции. Доложились, замерли. Как только скрылось солнце, когда глаза начали различать только бесцветные силуэты, Корней со своей тройкой рванули через дорогу и оседлали обочину над канавой. Начали работать – четко и слаженно, без единого лишнего движения, ловко и без усилий. Усадили увесистые «банки». Наконец тройка вернулась в два прыжка. Корней остался. Зашарил руками вокруг себя, потом махнул: показалось. Вдруг оглянулся, показалось, что даже сейчас, в полночной тьме, загорелись белки глаз и утонули в голубой поволоке. Задорно. Он кивнул и склонился над миной. Лишь торчат лохматые космы и острые напряженные плечи. Секунды, вслед – минута...

Банг!.. Лопнул со звоном черно-оранжевый пузырь. Надежда подкидывала строчкой «все хорошо, все хорошо, все хорошо», но опыт знал: пиздец. Это слово грохотало с каждым тактом обезумевшего сердца. Белое лицо Марвела и багровое рыло Михалыча. Шурик сжимает челюсти – сейчас треснут. Три силуэта стрелой вздымаются над обочиной, чтобы ринуться под опадающий пыльный гриб. И трубный рев Шурика:

– Стоять! Стоять, блядь! Вторая на задержке! Лежать!

Упали. Михалыч включил часы, через пять минут кивнул:

– Внимание.

Жахнуло. Глухо, сквозь вату. Михалыч встал и, не оглядываясь, приказал стальным голосом:

– Марвел, Прибор – пошли.

– Я иду, – известил Антип.

– И Антип, – согласился Михалыч. – За мной. Остальные на месте. В эфир – ни звука!

Они стояли полукругом над обезглавленным телом. Спина бугром, грязный силуэт боевой рубахи, рука вывернута – комок плоти, упакованный в форму. Кровь черно-бурая, перемешанная с пылью и тротилом. Головы нет. Антип шагнул налево и коснулся мыском ботинка чего-то похожего на валун.

– Здесь. – Антип присел на корточки, перевернул голову лицом к себе. – Улыбается Корней.

Михалыч лишь продолжил изучать окружающее пространство. Рука-культия в кармане, в другой фонарик.

– Пиздец. – Шура, запрокинув лицо, втянул в сморщенные легкие весь атмосферный столб. На выдохе горько подчеркнул: – А ведь не уехали еще.

– Не уехали, – согласился Михалыч. Культияпка вылезла из кармана и похлопала Марвела по плечу. – Да, Паша. Да-а.

Протяжное «а-а» заструилась над поникшими головами бесконечным многоточием. Михалыч умел ловко расставлять многозначительные акценты.

Февраль 2018

Черный силуэт – дрожащее пятно в низком чернильном небе. Мерцают лопасти. Длинная струя огненного пунктира обильно поливает землю. Через три-четыре секунды до них докатывается рык оружия. Р-р-р-р-р. Рывок из-под земной пелены камушков и мусора к брошенному пикапу союзников. Чернеют ломы стволов ЗУ⁸. Пустые ложементы. Распахнутые двери. Михалыч, несмотря на возраст и шарообразную фигуру, успевает первым. Падает седалищем на кресло наводчика.

– Сейчас, пацаны, сейчас. – Пробует маховики наводки. Прибор проверил бэка.
– Полная.

Лязгает крышка короба. Шура уже в соседнем кресле, вцепился в вертикальную наводку. Небо снова опрокинуло ленту огня. В контуженной башке лопается колокол, но прицел гонится за дрожащей темнотой. Снова огненный шквал, лава отражается от земли и рассыпается по небу расплавленными каплями металла. Потрескавшиеся губы упрямо двигаются.

– Сейчас, сейчас. – Ладонь упрямо гладит ручку горизонтальной наводки. Право. Право. – Прибор, выше. Не тупи, бля!

Стволы прыгнули вверх, перекрестие едва нагнало проклятое марево, и стопа воткнулась в пол. Р-р-р... Р-р-р... Р-р-р... Гильзы засыпали кузов. Малиновая очередь, разрезав небо дугой, нашарила колыхавшуюся тень и рассыпалась брызгами.

– Бля! – заорали они в унисон. – Что за...

– Чугунный мост! – Прибор сорвал голос. Рокот начал расти, пелена пропеллера развернулась в сторону пикапа, и «Апач» заложил вираж.

– С-сука. – Прибор, ломая локти и колени, меняет короба. Руки сбиты, если бы не перчатки, хана пальцам. Мат, грохот тяжелой ленты. Крышка лязгает, как гильотина.

– Живее, нах. Не тормози!

– Готов.

Михалыч, не дожидаясь второго номера, крутит маховик. Сухой шелест винта, кислый пот, стиснутые до боли зубы. Прибор зычно вопит в ухо.

– Ближе, ближе!

Михалыч глух. Нога жмет педаль до судороги, отдача проваливает пикап на рессорах. Раз, второй, третий. Он бьет и бьет по педали с обреченным упорством. Клацают, крошатся зубы. Слепые глаза. Раскальваются гранитные камни в голове. И вдруг смертельная тень спрыгивает из паутины прицела, роняешь сердце глубоко под горящую землю, рука все еще крутит горизонтальную наводку, разгоняя бесполезную гонку стволов: не успеваешь, теряешь – осознаешь, что проиграл, но упертое тело давит педаль и крутит ручку. Очередь за очередью в холостое небо. Из горла вырывается тоскливый вопль загнанного зверя.

– А-а-а!

Гильзы в последний раз застучали по гофрированному железу. Звон – звон – звон. Крик лопастей. Чернота, битая на осколки. Бег, бег. Огненный воздух в разорванных легких. Рука Прибора на его лямке РПС. Рывок – Михалыч вяло шевелит ногами.

– Шура, блядь, что...

Перекошенное лицо Прибора, злой рот, дикие глаза навывкат. Вопит что-то через вату. Не понять.

– Шевелись, старый. ...нах... ..зда.

Михалыч послушно припадает с ноги на ногу, ломаются колени.

⁸ ЗУ (она же зушка) – 23-мм зенитная установка (ЗУ) 2А13, предназначенная для борьбы с низколетящими воздушными целями.

– Что? Что?

Шура рвет его что есть сил за собой, ноги отрываются от земли. Михалыч, чтобы не упасть, валится вперед, перебирая непослушными ногами.

– Всем ...зда! – Стробоскопом мелькает ночь, вслед через секунды длинное-предлинное р-р-р-р-р-р. Далеко. Очень далеко. Глухой топот чужого винта. Они спотыкаются о кочку и валятся слаженно через упругий камыш в стоячую завонявшуюся воду. – Все...

Четвертый крест

Роджер оседлал стул, в руке – стеклянная кружка. Потягивая горяченный кофе, он тягуче размышлял:

– У меня три «мужика» есть. Два в Чечне. Десять лет. Прапором. Один тут, – он потряс левой кистью, обезображенной шрамами. Переломанные лучевые кости делали ее похожей на куриную лапку. – Заслуженно!

Коля шумно втянул воздух, охлаждая обожженный язык, и логично подвел черту:

– И четвертого возьму. Здесь! – Он допил остатки, запрокинув голову и двигая кадыком. Сбросил несуществующие капли на песок. Потянулся. – Так что, братцы, не обессудьте – работать будем много. Рисковать часто.

Братцы стояли вокруг, третий взвод, сборная солянка. Чумазые, раздетые по пояс, разного возраста и племени. Разразившаяся давеча пыльная буря разнесла палатки и вместо подготовки к завтрашнему выходу заставила поработать кайлом да лопатой. У многих – сдвинутые на лоб тактические очки, лица припорошены рыжей марсианской пылью. Руки и плечи в татуировках. У кого руническая вязь, где скандинавские руны, кресты и прочее, прочее. Как шутил Комбат, проще будет жмуров опознавать и пазлы из рук-ног складывать. И тут Роджер поставил жирную точку:

– Я научу вас, как надо умирать.

Лица вытянулись. У первоходов – побелели. Маленький Кот громко выдохнул:

– Пиздец!

Мат разбился о молчание и был подхвачен скользким ветром. Между взводником и людьми повисла неловкая пауза. Быстро темнело. Роджер всматривался в темные силуэты, будто вырезанные из бархатной бумаги. Он закинул руки за голову, скрестив пальцы. Откинулся на спинку стула. Ножки опасно провалились, и трон пошатнулся. Баран Марат, прикупленный к двадцать третьему февраля, жалобно заблеял из загона.

– Готовность в три, – приказал Роджер.

– Братва, давайте жрать, – вклинился Мазут.

* * *

Четыре утра. Взвод растянулся в длинную рваную цепь. Усталые тени, обвешанные лентами к АГС⁹ и ДШК¹⁰. Станины, коробка, огромные рейдовые рюкзаки. Контрастно несоответствие: современные «плитники», каски, буржуйская обувь, боевые пендосские штаны, рубахи. А в руках дедушка Дегтярев, «мосинки», автоматы от Северной Кореи, которые злой язык окрестил «Samsung с вайфаем». Справа, километрах в двух, солидно жарит «зушка», надрывно колотит автоматная стрельба. Наступает «четверка» и разведка. Третьему взводу задача стояла скорее вспомогательная – занять высоту на фланге, закрепить, в случае необходимости поддержать штурм. Шли без сопротивления. Первое напряжение сменилось апатией грузных ослов. Подошвы мерно взбивали пыль. Роджер налегке носился вдоль колонны, нервничал, подстегивал взвод матом. Народ, стиснув зубы, терпел да матерился в нос.

Ухнул танк, движение не прекратилось, лишь втянуты головы в плечи. Кое-кто из первоходов присел на ватных коленях, да тут же и подскочил под насмешливыми взглядами соратников. Интенсивность боя справа нарастала. Тем не менее после двухчасового перехода взвод бла-

⁹ АГС-17 – автоматический гранатомет.

¹⁰ ДШК (он же «дошка») – советский станковый крупнокалиберный пулемет под патрон 12,7×108 мм. Разработан на основе конструкции крупнокалиберного станкового пулемета.

гополучно добрался до высоты. Бегло осмотрели оставленные духами позиции. Кругом тряпки, одеяла, цинки из-под патронов, гильзы от «дошки». Самодельная станина от крупняка покосилась, ниже по склону, с вражеской стороны, торчит оперение кассетной бомбы. Пара лужиц свернувшейся почерневшей крови под перепаханным бруствером. И все. Никого.

– Крепимся! – скомандовал Роджер. Саперы не спеша обследовали насыпь, окопы закидали толовыми шашками. То тут, то там крепко, звонко шарахнуло. Деловито вытянули остатки «гирлянд». Оголившуюся по центру «сковороду» трогать не стали – от греха подальше. Народ неторопливо рассредоточился по позициям, избегая духовского шмотья. Минуя хозяйские окопчики. Рюкзаки покидали кто где. Расчет АГС обкладывал станину мешками с песком. Роджер улегся на пузо, изучая долину, изрезанную пересохшими ручьями. По фронту в каких-то двух километрах заслоняет горизонт горный массив. Хребет прочерчивает белая полоска насыпного отвала. Укрепления тянутся по всей его длине, с редкими разрывами. Правее высоты, занятой взводом, резкий спад, обрыв. Обрезанная лезвием склона деревня, из-за которой был весь сыр-бор, стыдливо выглядывает кубиками убогих домишек. Ни грамма зелени – песок, камень, перекаленная глина. Ни людей, ни машин. Ветер доносит сквозь завесу канонады лоскуты рычания танкового движка. Пятьдесятпятка¹¹. Духи их использовали повсеместно, насыщая адским апгрейдом из железа и бетона.

Прошло часа два. Здесь ничего не происходило. У соседей, напротив, события били ключом. Боевой канал разрывался. Шли постоянные доклады о злополучном танке и «зушке». Отряды залегли. Птурщики попытались броню сжечь, благо та нагло гарцевала между домиками, но из пятнадцати полученных с союзных складов ракет тринадцать не сошли. Спасибо братскому народу. Наступление завязло. Армия на помощь не спешила. Эфир наполнился досадой. Тогда родился гениальный план. Ведь цель оправдывает средства. Красная дорожка в ноги и серебряная звезда на грудь. Роджер созрел. Бинобль отодвинулся от глаз, Роджер сдвинул каску на затылок и торжественно изрек:

– «Четверке» надо помочь.

О добровольцах не спросили: Сага, Кот и Бром с ПТУРом¹², Мазут с «дегтярем» и пятерка стрелков. Собрались, проклиная командирские амбиции. Наскоро заточили по сухпаю на двоих и, взвалив поклажу, двинулись навстречу бою. Солнце надежно вцепилось в зенит. Начало заметно припекать. На двадцатой минуте перехода мрачное бормотание затихло, только громыхал голос Мазута.

– Дракон – тот же петух, только в чехуе! – донеслось с головы колонны. – А твой позывной как, боец?

Седой мужик сухо после паузы процедил:

– Дракон.

Мазут опешил, да и отмахнулся:

– Не знал! Извини.

По отряду волной пронесся хохот, но тут же задохнулся. Почти час преодолевали неглубокий извилистый каньон, поминутно ожидая атаки бородатых. То, что они были, доказывали то тут, то там валяющиеся одеяла. Заваленная палатка. Метнувшегося на мародерку бойца Мазут тормознул:

– Куда, нах. Разлетишься к ебням.

Боец неуверенно оглянулся, прошел еще несколько шагов, прежде чем вернуться. Роджер обложил его матом. И опять про то, как надо умирать. Вскоре встал вопрос, по какому маршруту выдвигаться – рвануть через гребень, потом с километр по нему и скатиться по простреливаемому склону к позициям «четверки». Или же продолжить месить песок вдоль пере-

¹¹ Т-55 – древний советский танк.

¹² ПТУР – противотанковая управляемая ракета (здесь – «Фагот»).

сохшего ручья. Второй вариант безопаснее, но длиннее на пару километров. Хотя безопасность на войне – сомнительна априори. Духи обожали зарывать «гирлянды» именно на подобных песчаных тропах. А на отходе делали это с изысканным удовольствием. Роджер долго жевал спичку, прежде чем объявить, вытянув по-ленински руку:

– Туда идем.

Кривая, изуродованная осколками «баллона»¹³ кисть указывала на покатый склон. Закряхтели, выматерились, шатаясь, потянулись ввысь. На гребне цепь разорвалась. Война в лицах давно забыта, злые глаза смотрят из-под касок.

– Старшой, привал! – раздалось со стороны птурщиков. Хотя ракеты давно передаются всему строю, дядьки с пусковой выглядят не лучшим образом. Роджер покосился на плато. Пустыня, изрезанная сетью оврагов, пологие холмы, далекие фиолетовые горы. Километра четыре. Он поколебался. Коротко выдал, закусив губу:

– Десять минут привал. Мазут, давай наверх. Внимательно всем.

Мишка Мазут, откаламбуривав над первым попавшимся бойцом, стрелой взлетел на высоту и, разложив сошки, устроился там. Стрелки лениво растянулись по флангам. Задымили сигаретами. Разговоры не клеились. Молча передавали воду. Шелестит упаковка батончиков, пакетики сахара. Несмотря на пекло, стало холодно. Ветер пронизывал мокрую от пота одежду. Роджер всматривается в долину, играя скулами. Наконец он встал, скрипя суставами.

– Пошли, – скомандовал он и, не дожидаясь никого, направился к высоте, занятой Мишкой. Народ, будто потревоженная ветром трава, лениво поднимался, не сговариваясь сбивался в группы.

* * *

Танковый снаряд врезался в птурщиков. Банг! Звонко ударило по ушам. Розовое облако опало, открыв разбросанные руки-ноги. Покореженный корпус пусковой. Ботинок с вытянутым на всю длину шнурком. Лопнувшая каска с фрагментами мозгов. Ватную тишину порвал шипящий возглас:

– Бинго, нах...

И тут же громогласный рык Мазута:

– Выхо-о-о-о-од!

Через три секунды снаряд впился метра на четыре левее, закидав каменной крошкой фрагменты тел. Мазут вооружился серым охотничьим биноклем. Он, приподнявшись на локтях, рассматривал селение. Раздался рык танкового движка. Над крышами смачно задымил. Черное носастое пятно рывком выбралось из-за глинобитного угла.

– Вспышка! Щемись!

Три секунды, и ниже по склону встряхнуло взрывом. Завизжали осколки. Люди вжались в острые камни, боясь пошевелиться. Кто-то, напротив, медленно, вязко отползает. Танк теперь видели все. Он с ходу кинул еще снаряд и, плюнув выхлопом, запрыгнул за дом. Но это не значило, что все закончилось. Редко, с интервалом в секунду-две, посыпались пули из «дошки». Эмдэзехи¹⁴ громко и беспорядочно хлопали среди лежащих бойцов.

– Уходить надо. Роджер, команду!

– Лежать, бля!

– Перевалят!

Из кровавого месива раздался вой:

– Пацаны, я триста! Пацаны!

¹³ Самодельный духовский снаряд из газового баллона.

¹⁴ МДЗ – пуля зажигательная мгновенного действия (здесь калибр 12.7).

Кто-то зашевелился рядом с «кузнечиком». Кровавый комок, черно-белая культя, залитая красным голова с обнажившимися коренными зубами. Носа нет – лицо с красным провалом посередине, присыпано серой пылью.

– Роджер, есть триста.

– Роджер!..

Звонко визжат рикошеты. Кто-то пытается ползти к окровавленной куче тряпья, но замирает на полпути. Дракон. Он оглядывается. В круглых глазах – вина и страх. Совсем рядом вспыхнула МДЗ. Дракон уронил голову в землю.

– С-сука!

– Живой?

– С-сука! Цел.

Страшно кричит раненый. Резко, захлебываясь. Команда Мазута.

– Вспышка!

– Дракон, назад! Назад, бля!

Шарахнуло.

– Дракон, епта?

– Роджер?!

Дракон начал сдавать. Кот подскочил к нему на полусогнутых и буквально втянул мужика в неглубокую яму.

– Герой, нах, – выругался Дракон. Пригладил волосы тыльной стороной ладони, грязь расплзлась по лицу неровной маской. Грузный Кенвуд прятался за рейдовым рюкзаком. Рядом – гражданский рюкзак с «телом» АГС. Червонец правее. Самостоятельно наматывает бинт на правый бицепс. В ногах – станина от автоматического гранатомета и две «улитки».

– Послал, блядь, бог командиров, – выругался он, злобно покосившись куда-то в вершину.

– Крестносец хренов, – согласился Кенвуд.

Роджер молчал, в округлившись глазах играла растерянность. Пыль от взрывов еще не улеглась, кое-кто пытается добраться до раненого, что издали представляет из себя бесформенную окровавленную кучу тряпья, припорошенную черной пороховой гарью. Выразительно белеет обломок кости. Но тут же откатываются назад, густо сыпятся пули от «дошки». Вопли, мат, уплывающий кровавый смрад. Снова заревел танк. Пиздец... Кто-то увесисто ударил в плечо. Роджер потерянно оглянулся. Мазут. Рядом, присев на колени, протягивает рацию. Глаза дикие, рот искривлен гневом.

– ...блядь!

– Что? – Роджер заморгал.

– Командуй, блядь! – прошипел Мазут. Роджер растерянno осмотрел потрепанный отряд, взгляд на мгновение задержался на останках расчета ПТУРС и поспешил убежать. Уперся в угол спичечного коробка глиняного домишки, откуда коптила вражеская броня. Непослушные пальцы нашли рацию, шелкнула тангента.

– Марат – Роджеру! Марат, Марат – Роджеру.

– Вспышка!

Холм содрогнулся, завизжали осколки, посыпались камни, застучали по каске. Раненый, собрав последние силы, заголосил:

– Пацаны!!!

Кто-то рядом от бессилья закричал зубами.

– Блядь!

– Марат – Роджеру, – сухо заладил взводный. Мазут не выдержал:

– Твою же мать!

Он в три прыжка скатился с высоты и хлопнул Дракона по плечу.

– Зверь, погнали.

Дракон на полусогнутых кинулся следом, придерживая незаконченную повязку. Они подхватили раненого за лямки РПС и, провалившись на колени, потащили. Было видно, как следом за обезображенным телом тянется на сухожилии оторванная нога. Роджер стеклянно уставился на них, щелкнула тангента:

– Марат – Роджеру. Марат, Марат – Роджеру.

Мазут работал, как трактор. В одной руке «дегтярь», другая тянет лямку. Дракон надрыгается, колени сбиты в кровь. Рот жадно хватает воздух.

– Давай, давай! – кричат с горы. Кто-то готов на низкий старт, в помощь, борясь со страхом, кто-то голосит, не отрываясь от земли. – Быстрее, пацаны, быстрее!

До гребня – считанные метры, Кенвуд и Кот решились, сорвались, побежали низко, почти на четвереньках. Перехватили ношу. Они все перевалились через гребень, скинули раненого и, обессиленные, упали. Секундой позже грянул взрыв, перемешивая окончательно останки расчета. Фрагменты тел, камни, пластик, провода.

* * *

Раненого обкололи «коктейлем», затянули жгуты, накрыли плащ-палаткой.

– Марат – Роджеру...

– На связи!

Взводного прорвало:

– Командир, мы под огнем. Танк. Есть двести, триста. Здесь пиздец!

– Спокойно, – обрезал комбат, – Саша, спокойно. Сколько двести?

Роджер закусил губу.

– Трое. Триста – один. Тяжелый. – Он посмотрел на суету вокруг раненого. – Если срочно не эвакуировать, отойдет.

Голос ловил истеричные нотки. Он безучастно проводил глазами бойца, который перебежками добирался до высоты, оставленной Мазутом.

– Мазут, почему фланг открыл? – неожиданно нашелся он. Пулеметчик обрезал раненому обвисшую кожу и сухожилия.

– Килька, да ты охуел, – возмутился он, не прекращая орудовать ножом.

– В контейнер пойдешь! – закипел Роджер.

– Пошел ты, землячок.

Рация ожила:

– Роджер, двигать можете?

– Нет, не можем. Танк, бл...

– Арту наведешь?

– Да легко. Танк на восточной окраине деревни.

– Хорош гадать. Координаты давай, нах!

Роджер перевернулся на спину, извлек карту. Сверился с ней, выглядывая из-за валуна.

– Марат!

– На связи. Готов работать?

– Лови координаты. Квадрат ..., по «улитке» шесть.

– Принял. Наблюдай.

– Наблюдаю.

Прошло минут семь, когда комбат обрадовал:

– С праздником, родной. Не дотянется арта.

– Пиздец! – запаниковал Роджер.

– Спокойно. Попробуем вояк подтянуть. Должны помочь. Как больной?

Роджер оглянулся, понаблюдав за суетой и доложил:

– Живой.

– Принял тебя. Сможете спустить?

– Плох он.

– Принял тебя. Наблюдай. Никуда не суйтесь. Внимательно!

Прошло полтора часа. Марат вышел на связь.

– Роджер, смотри сюда. Ничего не будет. Людей оттягиваешь...

– Как я их нахуй оттяну?!

– Без истерик, родной. Потихоньку. Спускаете трехсотого. Будет вертушка. Если придется, ждете темноты. Как принял меня?

Роджер заиграл желваками.

Раненого в шесть рыл спустили. Пришла вертушка. Непонятный ни замыслом, ни завершением поход закончился ничем. Через сутки приехали ССОшники, танк спалили «корнетом» с семи кэмэ. Противник сразу отступил, а «четверка» с разведкой заняли их позиции. Крест «мужества» остался в клубе, а место Роджера занял более колоритный персонаж. Шунт. Но это уже другая история.

Голова

Генерал был настоящим. Надменное обрюзгшее лицо, плотный начальственный живот как концентрация федеральной мощи и дружбы между армией, народом и холодильником. Он с порога оценил Кирилла, смешав с первородной грязью и одновременно снисходительно извлекая из говна. Затем палец генерала очертил высоту на карте.

– Займете эту высоту. Ничего сложного. – Слова были обращены Комбату, человеку легендарному, вхожому по воле случая на самый верх. Генерала это раздражало.

– Там духи кругом, – заявил Кирилл, слова упали, как слюна на раскаленную сковороду, заплясали шариками по огненному генеральскому самолюбию. За три продолжительных секунды и выпученные глаза начальник спустил пар, что позволило ему относительно спокойно заявить:

– Если там духи, я застрелюсь, блиады!

Комбат и Кирилл переглянулись, Комбат весело, Кирилл – растерянно. Эфир заблестал эполетами и офицерской честью, густо замешанной на императорских балах.

– Союзники доложили, нет никого. Закрепитесь. Плевое дело.

Кирилл вздохнул, шумно отхлебнув протянутый Комбатом кофе.

– «Орлан» летал? Ножками ходили? – спросил он через глоток. Переглянулся с Комбатом, затем пересекся взглядом с генеральскими холодными глазами. Жестко, до стального лязга. – Точно застрелитесь, если что?

Генерал побагровел, кто-то из ординарцев фыркнул – напыщенно, по-холуйски, чуть не шаркая несуществующими шпорами. Охрана, однако, чуть заметно оскалилась.

– Ты меня за слово не лови, сопляк, – прошипел генерал, – свое дело сделай. Если ссышь, так и скажи. Твой командир, я думаю, замену найдет.

Кирилл пропустил тираду мимо ушей. Кружку поставил прямо на карту, отпечатывая смачный коричневый круг.

– Что с соседями? Поддержка? – спросил он Комбата.

– «Четверка» слева пойдет. Выходите вместе, на точке расходитесь по направлениям. Армейская арта в помощь.

– Добро, – кивнул Кирилл. Следующий час оговаривали детали.

* * *

Как только солнце упало за горы, отряд пришел в движение. Растянувшись в километровую колонну, навьюченная, перегруженная, ползла разнородная человеческая масса. Ночь заскрипела песком, забормотала сотнями голосов вкупе с арабской тарабарщиной. Обрывистое гавканье радеек пронеслось по всей длине строя. Идут метры через часы, Медведь видит перед собой только силуэт спины. Вязкая тьма окружила, алчно слизав сообщников по ремеслу, пропуская сквозь лишь тихий звон и проклятия, переплетая в тонкий звуковой ковер. Человек впереди и человек сзади. Метр за метром, шаг за шагом, минуты – в часы. Колючий песок на лице, промокшая от пота флисовая шапка. Ткач с пулеметом на плече знай себе глотает метры. Погροхатывает в коробе лента в такт растянутым шагам. Метр за метром. Тяжело качает сердце. Два шага вдох, два шага – выдох. Рука ловит протянутую Ткачом бутылку воды. Кивок. Жадный глоток. Второй. Третий. Завинтить крышку. Молча вернуть в мародерку, прищелкнув фастексом.

– Благодарю.

Мельком замечает поднятую руку: «Внимание!». Продублировал, сел на колени. Аккуратно, стараясь не завалиться под тяжестью рюкзака. Выбрал сектор, попробовал рассмотреть

его в прицел. Тщетно. В окуляре – силуэт хребта на фоне звездного неба. Черная бархатная шевелящаяся яма.

– Что видно? – обернулся Ткач.

– Нихера, – ответил Медведь, нарочито картавя, – нихера.

Поймал отмашку: подъем. Кряхтя, поднялся, опираясь на «весло», в коленях резко уколело. Пошли. Шаг за шагом, метр за метром. Иногда колонна натывается на протяженные разломы, в темноте не разглядеть – метр до дна или пять. Звездный свет облизывает покатые края обрыва и тонет в чернильной тьме. Осторожно, проклиная местность и командование, колонна перебирается на ту сторону. Прыжок, и сердце обрывается, но нет – руки товарища вцепляются в лямки рюкзака, чтобы перетащить на другой берег. Кивок благодарности, остановка, чтобы повторить этот трюк с идущим вслед. И снова – шаг за шагом. Бутылки идут по рукам, вода уходит в пот. Громкое сопение и скрежет зубовой. Шипит рация. В сотый раз взмах рук. Сели-встали. Теперь падаешь не на колено – на жопу, блаженно облокотившись на рюкзак, раскинув ноги. Оружие смотрит в темноту, без толку, но так надо. Дачник просто завалился на бок, жадно глотает воду из фляги. Перерыв в три глотка. Подъем! Медведь поднялся, помог Дачнику.

– Пошли?

– Пошли.

Отпустили Ткача на пять метров, он еле виден – скорее угадывается по направлению, по звуку. Тронулись. Пот уже не течет. Лицо – пыльная маска с прочерченными дорожками. Мандраж давно отступил перед усталостью. Охота упасть вниз лицом и раскинуться звездой. Сели! Упал на бок, обернулся на Дачника. Светятся белки глаз. Показывает большой палец: нормально. Встали!

– Блядь!

Час за часом, шаг за шагом. Черноту разбавило серым, резко очерчивая грани вершин. Падают песчинками минуты, прессуются в часы, волокут солнце на небосвод. Жажда уступила место тупой апатии. Шаг за шагом – вдох, шаг за шагом – выдох. Медленно, вязко, буксуя в камнях, перетертых миллионами лет. Шаг за шагом. Сели! Успеваешь глотнуть сухого воздуха. Встали!

– Твою же мать!

Стрелки часов ползут к тройке. До хребта рукой подать. Час-другой. Союзники плетутся следом. Сначала как учили, спустя часы – сбились в мушиную кучу, роящуюся и галдящую. Как дети в школьном походе, будто в сказку попали. Удивительная способность игнорировать очевидное, неудивительно, что ПМН словили именно они. Банг!.. Звонко жажнуло, значительно правее ордера. Медведь оказался на земле, замер, вращая глазами. Мина. У союзников началось веселье. Громко заклокотали, загалдели, замолотили в ночь трассерами. Цирк. Затем счастливики нашли еще одну мину. Польшнуло. Оглушило до звона в ушах. Новый всплеск возбуждения. Несчастный арабский капитан попытался навести порядок, но был послан. Известно куда. Он вовремя сообразил, в чем дело, поэтому не сделал ни шагу, а только размахивал рацией, используя антенну как указку. Однако когда он включил фонарь, жалость к чудо-офицеру пропала. Дачник обложил засранца таким матом, что всплеск негатива мог сжечь квадратного коня в стеклянном кубе. Фонарь погас. Угас и пыл союзных человек.

– Мины, мины, – загалдели они по-русски.

– Так ведь война, – хихикнул Дачник.

По русскому строю пронеслось: «Осмотреться!» А толку – пятьдесят бомжей прошло, естественно, пусто. Пока Медведь изучал местность вокруг себя, арабский гвалт начал утихать.

– Ушли, бляди, – сплюнул Дачник. В темноте растворялась спина незадачливого садака-капитана.

– Войнажежь! – прошипел Ткач и очень похоже, по-губерниевски, протянул: – Опасно-о-о-о.

Подрыв и связанные с ним мероприятия позволили перевести дух. Медведь с удовольствием вытянулся, взгляд шерстил сектор, уши слушали эфир, а ум думал мысли. Все это происходило раздельно, игнорируя липкий далекий страх. Из ступора вывел оклик.

– Чи-чи!

Медведь лениво оторвался от своего сектора. Овал, припадая на четвереньки, подобрался на расстояние вытянутой руки.

– Мархаба, – поздоровался Медведь.

– Как ты?

– Живой.

– Видел, садыки ушли?

– В первый раз, что ли? – отмахнулся Медведь. – Лучше сейчас.

– Пидоры слабозадые.

Медведь разумно промолчал, говорить не хотелось, хватало своих мыслей, без Овала. Того несло и потряхивало от возбуждения. Он суетливо водил стволом, трогал магазины, перебегал пальцами по гранатным подсумкам.

– Бля, хочу кого-нибудь убить, – неожиданно заявил он. – И бошку бородатую отрезать. – Зачем-то попробовал, как вынимается магазин из штурмового подсумка. Магазин вернулся обратно под фиксатор. Бешеные глаза Овала заглянули в лицо Медведя. – Ведь мрази.

– Да пофиг. – Медведь пожал плечами.

– Твари черножопые, – продолжал заводиться Овал. Его ручонки добрались до ножа. Это был массивный тесак. Овал продемонстрировал черненный клинок, делая вид, будто обрезает чью-то шею под грязной бородой.

– Ага, – сухо подтвердил Медведь, – по горлу и на холодец.

Овал не понял сарказма и хохотнул. Затем грузно поднялся.

– Погнал.

– Давай, – бросил Медведь. Он проводил Овала глазами, ожидая, когда согнутая до самой земли фигура скроется в темноте, чтобы заметить вслед: – Эх, молодежь...

Дачник угрюмо согласился. Вдруг Ткач скомандовал:

– Подъем.

С проклятиями встали. Двинулись со скрипом в коленях. Два шага – вдох, два шага – выдох.

* * *

Повезло. На мины больше никто не попал. Монотонно обходили ловушки, пудовые ноги переступали через проволоку стреляных ПТУРов. Подъем затянулся. Предыдущие пятнадцать километров теперь представлялись легкой утренней зарядкой. Солнце вот-вот взойдет, а рота только втягивалась в каменный лабиринт, который становился круче и круче. Дно древней реки оголено до гладкого отполированного базальта. На серой поверхности пятна выносливой микроскопической живности. Редкие кусты торчат колючими помпонами. Скоро светило заставит выбраться на волю полчища жуков-говножорок. Они ринутся по своим вонючим делам – верные спутники боевых бомжей. Ноги забились: жрем аспирин – помогает. Белым канатом опоясывает хребет бруствер, он первым принимает на себя лучи рассвета. Под ним фигурки «головы», машут – «подтягивайтесь». Свинцовые стопы волочатся на цель. Ткач оживился, с интересом поглядывает на пустой укреп, явно фантазирует насчет устройства удобного бун-

гало, где будет мангал из цинка и таганок для мате¹⁵. По спине мандраж, как перед финишной лентой. Медведь поднял винтовку, ствол заскользил по хребту, нигде не задерживаясь. Пусто: ни нычек, ни палаток, ни вездесущих одеял. Похоже, прав был генерал. Капитан раздал команды, строй рассыпался на группы, разбирая участки. Медведь, Ткач и Дачник побрели на свой. Дачник вполголоса переругивался, черно завидуя соседям. Было скучно и по-мирному обыденно, будто идешь шерстить соседский огород. Но им «повезло» больше всех...

* * *

– Охтыжептвоюмать!

Аду¹⁶. Дух. Бармалей. Бородатая кукла, завернутая в одеяло. Стоит вполборота, из-под серой свалывшейся шерсти торчит всклокоченная борода. Медведь застыл, увязая в остановившемся времени: СВД стволом вниз, столитровый рюкзак режет лямками плечи, флисовая шапка сбита на затылок, открывая блестящий от пота лоб. Не лицо, а пыльная маска. Глаза вдруг становятся огромными – сейчас покинут череп и заскачут по колючему склону сквозь валуны и растяжки. Сердце упало. Толкнув пятки, разогнало кровь. И вдруг взлетело бомбой под самый купол. Мир загорелся фейерверком. Тронулось. Понеслось галопом: серое пятно на срезе ствола, толчок приклада в бок – второй, третий. Рюкзак долой. Сам – вперед, некрасиво, на коленях. Краем глаза видит корчащийся в агонии комок: одеяло, нога в кроссовке на босу ногу роет землю. Дальше – заваливается другой дух, как был, ссущий на коленях, мордой в собственную мочу. Одновременно ритмичные хлопки выстрелов АКМ и вопль на сотни метров вокруг:

– Духи!

Дачник, сложившись пополам, коротко жалит по одному ему видимым целям.

– Ткач, жарь, блядь!

Медведь привстал: граната в руке. Кругляш в траншею. Вторую – туда же, но правее. Третья – на взвод.

– Держу, блядь, пошли!

Ткач на месте. Шарит пулеметом по узкому сектору. Вопли, галдеж. Рация переполнена рваными командами. Мгновение – и зарокотало по всей вершине. Медведь закинул гранату и одновременно с хлопком перевалился за изрытый бугор.

Били сонных, расплзающихся, азартно – по-охотничьи. Редкие очаги сопротивления захлебнулись в шквале огня. И наконец бабаи не выдержали. Волна оборванных полураздетых людей посыпалась через бруствер. Рота, опьяневшая от крови, дружно залегла на стрелковом рубеже и как в тире начала выщелкивать обезумевших бородачей. Деловито меняются магазины.

– Смена! – Овал сползает с бруствера, жадно, будто до бабы, добирается до рюкзака, коробки с патронами на землю, зубы рвут скотч, а дрожащие от нетерпения пальцы рассыпают патроны в панаму. Магазины споро забиваются. Овал успеваешь вертеть головой. Но брешь в строю тут же занята новым «охотником».

– Пустой!

Быстрая замена.

– Пустой!

Гвалт, треск очередей, щелчки магазинов, радостные вопли.

Одновременно чистят лагерь. Гранаты подбрасывают палатки, пули горохом осыпают убитые не одиножды тела. И так: вторая, третья волна зачистки. Нет какого-то плана. Все про-

¹⁵ Мате – травяной чай.

¹⁶ Аду (араб.) – враг. Садык (араб.) – друг.

исходит само собой по обыденному сценарию. Грязные обгадившиеся тела, брызги крови, удивительно алые, еще не успевшие почернеть. Истоптанные ботинками лужи. В конце лабиринта, за каменной невысокой стенкой, шесть серых коконов лежат рядком, подогнув колени. Эти даже не успели проснуться. Один висит на ограде, «комок» задран до лопаток, резко-белое тело изрыто осколками в районе крестца – граната. Растопыренные изломанные пальцы так и не дотянулись до автомата.

Капитан стоял в центре этого хаоса, основательный, живой.

– Скиф, бери Крота. Лагерь проверить. Не рискуйте. Мародерку отставить. Вик!

– Я!

– Ставь АГС. – Он кивком показал куда. – Феликс!

– Здесь.

– Пулеметы на фланги.

– Принял.

– Охоту прекратить. Зарывайтесь. Всех свободных вниз. Подтаскивайте добро.

– Как скажешь.

– Черный, тащи чернильницу, – велел Капитан радисту.

– Здесь я.

– Головка, блядь, от... – Капитан принял тангенту. Одними глазами спросил: готово?

– Сухум, – подтвердил Черный. – Через Рысь. До базы не дотягиваемся.

– Рысь – Капитану.

Минуту Капитан отсутствующим взглядом наблюдал суету на редуте, пропускал спокойно радостные крики, увидев Сливу с матрасом на голове, поморщился.

– Капитан – Рысь один.

– Передай на Сухум, мы на месте, духов до взвода. Ведем бой. Потерь не имею.

– Принял тебя, Капитан.

Капитан выхватил пробегающего мимо бойца.

– Снайпер где?

Боец некоторое время смотрел на Капитана пустыми глазами, пока не узнал.

– А хер его знает. – Он честно пожал плечами и убежал. Капитан взвесил в руках тангенту, а затем заорал так, что над горами сквозь стрельбу и вопли разнеслось звонкое эхо:

– Медве-едь! Медведь, нах!

* * *

Медведь колхоз презирал, поэтому с бруствера стрелять брезговал. Любительщина. Присмотрев сгорбленную пополам опору ЛЭП, они с Дачником оставили бесшабашные порядки бомжей¹⁷, чтобы, углубившись в каменные дебри на правом фланге, выбрать более сытное место. Медведь сразу, как только началось бегство, сообразил, что бабаи, кто поумнее, ныряют за каменный отвал. Устье пересохшего ручья чернело чирками трупиков, но везунчики благополучно достигали укрытия. А что там – одному богу известно.

Под опорой Медведь осмотрелся. Взгляду открылось ущелье, духи жмутся друг к другу, лежат вповалку, дышат, клянут Аллаха за подставу. Или благодарят. Один активно и повелительно машет руками, умудряясь одновременно что-то надиктовывать в радио. Медведь оценил: шестьсот метров – не больше. Спокойно прицелился в центр тесной группы, выстрел хлестнул неожиданно. Как только галка прицела упала обратно, повторил. Толчок в плечо, второй, третий, четвертый... Замена магазина. Выстрел, выстрел, выстрел. Куча людей встрепе-

¹⁷ Боевые бомжи – самоназвание штурмовых подразделений «музыкантов», потому что живут где придется, едят, что можно есть.

нулась, словно рой мух, но в овраге остались лежать тела. Выстрел. Выстрел... Смена магазина. Аду рассыпаются, самые отважные начинают огрызаться. Но свистит очень высоко, в метре над головой. В окуляре – яркие точки вспышек. Визжит близкий рикошет. Дачник поливает над ухом из автомата словно из лейки. Движение. Галка вправо. Выстрел. Выстрел... Не промазал ни разу. Глумливо, жестоко, безнаказанно. Успокоился, только когда в овраге наступила мертвая тишина. Ни движения. Разбросанные, перепутанные тела. Мертвые камни, расплавленный воздух над раскаленными камнями. Ни души. Выдох, глубокий, как вздох облегчения. Медведь отпрянул от прицела, немигающий взгляд побежал по камням, вывернутым рукам, спинам, коленям. Грязные, замешанные с пылью «комки». Дрожит воздух, застывая маревом мрачную картину, а на душе легко – кончилось. Покидал азарт, освобождая место усталости и опустошению. Второй слой¹⁸ мокрый насквозь, хоть выжимай. Прокрался колкий неуютный холод.

– Медведь!

Он нашел на ощупь оброненный магазин, сунул его под нагрудник «честрига».

– Медведь – Капитану.

Радио, вспомнил он. Надо же. И вдруг осознал, что стрельба прекратилась кругом. Даже более того, на вершине бесстыдно ржали.

– Медведь – Капитану.

Медведь вздохнул, пальцы нашарили рацию, и после небольшой борьбы с клапаном под-сумка он отозвался:

– На связи Медведь для Капитана.

Только отпустив тангенту, с улыбкой подмигнул напарнику. Дачник сдвинул белую кепку-восьмиклинку на затылок, вытер потный лоб, серые глаза тепло осматривали заваленный трупами склон.

– Хорошо поработали.

Рация опять заговорила:

– Капитан на связи. Ты, бля, где?

– Работал. Много. Возвращаемся.

– Пойдем? – Дачник поднялся с колена.

– А то! – согласился Медведь.

Вдруг на боевом канале заголосили чужие голоса:

– Царек – Отарию, салфетки возьмите.

– Принял, Царек.

– Чикен братъ?

– Не вопрос.

– Два.

– Принял тебя. Вечером на «поле».

Медведь с Дачником переглянулись и в один голос отразили свое отношение:

– Блядь!

* * *

Наверху не ржали. Работали. Освобождали щели. Обживались. Трупы стащили в восточный угол, где складывали рядком. Над ними – мрачные тени, слоняются среди хлама. Кругом простреленные одеяла, хрустят под подошвами гильзы. А глаза нет-нет, а взглянут в даль. Она не радовала. Предгорье разрежала пыльная полоса, совпадающая с ниткой дороги, которая виляла по следам тысячелетней эрозии и кончалась в подножии.

¹⁸ Флисовое термобелье, греющий слой. «Вафля».

– Да, – сказал Медведь, – нас мало, и тельняшек на нас нет.

– Жопа, – согласился Дачник. Он был благодушен, его больше беспокоила перспектива потерять рюкзак с теплыми вещами и тушенкой, чем тухлое будущее предстоящего контр-удара. – Надо сожрать что-нибудь.

Капитан кипел. Кажется, тангента расплавится и потечет сквозь пальцы. Связист осмотрительно держится поодаль, обнимая радиальный рюкзак, пустой взгляд тычется из-под панамы. Феликс возвышается особняком – мощный торс упакован в британскую «пустынку», – качается на богатых «ловиках» с пятки на носок. Он отрешен, на Капитана демонстративно не глядит, больше доверяя своим острым эльфийским ушам.

– «Вы все придумываете», – прошипел Капитан, явно передразнивая кого-то, – «там нет никого». – Он набрал полную грудь воздуха и громогласно рыкнул: – Конечно, нет. Потому что мы всех убили. Блядь!

Феликс, слышавший оригинал диалога, остался нем. Человек-скала лишь поиграл желваками, разглядывая пыльный шлейф на дороге. Капитан долго изучал пустоту, невидящие стеклянные глаза прожгли Феликса, Медведя, Дачника. Медведь проглотил комок, ожидая нагоняя. Но обошлось. Капитан неожиданно воспрянул. Увидев что-то известное одному ему, ротный вдруг родил:

– Феликс, нах!

– Я. – Громила перестал качаться.

– Феликс. Дорогой. Рубите. Головы. – Капитан отпустил тангенту и потер ладони. В его глазах загорелся бешеный огонь. – Мне нужна башка. Самая красивая.

Феликс бровью не повел.

– Нафига?

Капитан страшно засмеялся.

– Мне нужен его мозг.

Связист грустно вздохнул и пожал плечами: «Похоже, ку-ку».

* * *

Овал крутился бесом.

– Сюда его, сюда.

Выбор был невелик: в основном попадались азиаты с крашенными в рыжее шевелюрами. Куцые восточные бородки обрамляли суровые лица. Получалось, самые пронырливые – арабы – стартовали через бруствер и теперь украшали склон. Но соваться туда желающих не было. Наконец нашелся колоритный персонаж. Это был часовой, который проспал рывок отряда, – первый трофей Медведя. Вот он, завернутый в одеяло. Тело изогнуто, костлявая угловатая задница задрана, колени под себя. Лицо вытянуто на длинной шее и покоится на богатой бороде, будто на аппарели. Кровь, слюни и прочая дрянь на спутанных курчавых волосах. Первая жертва, но виновник успеха. Под бравые крики собралась толпа «головорезов». Овал брэнчал яйцами и громкими заявлениями. В руках brutальный тесак. Градус решительности нарастал.

А Медведь просто копал, рубил скалу, корчевал камни. Оказалось, все плохо. Генерал уже поверил, что бой был, но, по обычаю, прикрытием добровольцев не озаботился. В общем, армейская артиллерия не дотягивалась. А радужная перспектива приближающегося пиздореза¹⁹ вселяла отличный рабочий энтузиазм. Рядом пыхтит Дачник. Ткач разложил пулемет на брезенте и натирает поршень, высунув язык. Ткач мрачен. Он имел неосторожность заглянуть в отличную трубу от старины Цейса. Теперь божится, что насчитал восемь десятков

¹⁹ Пиздорез – жаргонное название страшной боевой мясорубки.

машин. Пикапы уходили под правый фланг и пропадали под масштабным каменным выступом, похожим на челюсти дракона. Сейчас Ткач хоронил свой оптимизм.

– Эх, арту бы, – затащил Дачник.

– Нахер! – проворчал Ткач. – Вертушек карусель на полчаса – и зрада!

Медведь молча продолжал совершенствовать окоп. Он выложил его дно простреленным турецким спальником, в каменных нишах расположилось с десяток «эфок»²⁰. Наконец, оглядев удовлетворенно дело своих рук, он облокотился на осыпающуюся стенку.

– Не будет вертушек, – сказал он равнодушно, сняв шапку, вытер ей пот и отжал. Они втроем посмотрели на падающие капли. Медведь откашлялся и добавил, переведя дыхание: – Духов здесь нет. И нас здесь нет. Так, – он повертел в воздухе саперной лопаткой, – мясо с низким сроком годности.

– А вот мясники уже задолбали, – проворчал Ткач, кивнув в сторону инициативной группы.

* * *

Он раздвинул их плечами и застал Овала над мертвецом – голова на месте. Овал уставился на Медведя растерянно, продолжая удерживать бабая за воротник куртки. В глазах Овала царил такая борьба, что раздражение Медведя невольно схлопнулось. Медведь взвесил в левой руке саперную лопатку.

– Давай я, – предложил он.

Из бездны Овала всплыло облегчение.

– Ну... – Боец отступил.

– Ножом неудобно, – брякнул зачем-то Медведь, перекидывая лопатку в правую руку.

Он уверенно навис над бородачом и в три удара отсек голову.

– Уф-ф, – сказали все.

– Эх, молодежь, – усмехнулся он.

* * *

Кирилл шел легко, пружинисто печатая шаг. Глаза веселые, с бесом. Того и гляди расплещется слово на неокрепшие мозги: тут им и конец – смешная кома и гладкие извилины. В руках ротного коробка из-под сухпая – вся в подозрительно бурых пятнах. Над Кириллом мухи да любопытные взгляды. Автомат предусмотрительно оставлен в чреве «Патриота», в компании перемотанного бурыми бинтами Феликса, он спокоен – гадость задумывалась при нем.

Генеральская охрана встретила равнодушно, несмотря на страшно витиеватое приветствие. Тощий прапорщик, похожий на обрусевшего бедуина, лишь чиркнул глазами по пустой кобуре и заглянул сквозь очи до самого черепного дна, затем пригласительно поднял полог, закрывающий дверной проем, знаково – без лести, из вежливости. Уже здесь, в простреленном большим стрелковым калибром здании, через провалившиеся блоки сочился нестройный хор тактических споров и сотканная из магического «ептвоюмать» аура штабного гения. Кирилл харкнул через плечо и, засветив зубы, вошел. Темно. Душно. Тугой, терпкий от генеральского парфюма воздух слоился копотью и чифирем. Кирилл некоторое время тупил, привыкая к сумраку. Наконец рассмотрел присутствующих. Вот он, генерал: чистый, успешный, вылизанный. В пальцах – карандаш. Комбат присел на краешек стола. В дальнем паучьем закутке армейский радист – совсем щегол – благоухает умом и питерской пропиской.

– Гутен морген, комараден! – рявкнул Капитан.

²⁰ Ф1 – граната оборонительная.

– Докладывай, Кирилл, – ровно ответил Комбат. На лице его легкое замешательство отыграло в сторону любопытства – заметил коробку, там явно ждало неладное, а неладное Комбат любил. Кожа на кощейском лысом черепе натянулась, комбат скалился и всем видом изучал реакцию навязанного руководства. Генерал выпрямился:

– В чем дело?

Вопрос был явно обращен Комбату. Тот оскалился.

– Он к вам, – парировал Комбат и переместился на пластиковый стул. – Излагай, Кирилл.

Стул под Комбатом жалобно затрещал. Сухие длинные пальцы скрестились на животе, как паучья свадьба. Капитан поставил коробку прямо на карту и, приоткрыв, засунул в нее руку.

– Генерал, ТЫ ведь офицер, – сказал он, не отрывая взгляда от коробки.

Генерал опешил:

– Ах, ты, блядь, щенок!

Он вскочил, холеное лицо покрылось пятнами. Комбат отвернулся, лишая его повода искать поддержки.

– Григоряк! – надорвался генерал. Капитан почувствовал за спиной движение воздуха.

– Здесь, – лениво доложил прaporщик. Капитан не обратил на него внимания.

– Ты давал слово офицера. – Кирилл говорил громко и отчетливо, заколачивая в воздух слова. Прапор бездействовал, а генерал что-то кричал, брызгая слюнями и московской спесью. Кирилл поднял глаза. Тишина. Они смотрели друг на друга. Между ними были вертушки, размотавшие «четверку», приняв ее за духов. Горящий БТР Рыбы, Леша Синица, заводящий трос под шквальным огнем, обугленный «Урал» и двенадцать часов монотонного боя под сопровождение «там никого нет, вы все придумываете»... Из коробки возникла голова. Кирилл цепко держал ее за шевелюру. Он поднял подарок на уровень глаз, будто надеялся, что араб откроет глаза и заколдует генерала в каменную бабу.

– Стреляйся!

Генерал сглотнул воздух, собирая тираду. Капитан бросил башку на стол, глухой стук заставил всех вздрогнуть.

– Будь мужиком.

Генерал молчал. Комбат каменным лицом показал на выход. Капитан медленно, будто погруженный в патоку, развернулся на пятках. Секундная стрелка звонко отдавалась в голове цик-цик-цик. Капитан шагнул к выходу, смиряясь с любым исходом. Ватные ноги, чужие плечи, чугунная голова, где кипит незамерзающий металл.

– Иди, – надавил Комбат. Прапорщик отступил, приглашая наружу. Короткий взгляд, едва заметный кивок.

Кирилл шагнул в загустевший воздух, под чужое глубокое небо. Высоко машет лопастями двадцатьчетверка. Он проводил ее глазами. Сунул руки в карманы и потопал к узику с чувством, что жизнь прошла не зря.

– Волшебники, бля. – Прапор завистливо смотрел ему в спину. У мяса с низким сроком годности особые привилегии.

Сундук и общество свидетелей Обжорки

В группе сложилась здравая традиция собирать остатки продуктов в огромный китайский баул. Копейка рубль бережет. Голодающие цыгане нарожали продовольствия. Кулечки стали больше, появилась крупа, макароны, сахар, чай, коробки с сирийскими шоколадками, консервы. Баул богател. Пришло время малышу подрасти. Куколка однажды превратится в бабочку, а боевые бомжи трансформировали полосатую тару в прекрасный фанерный ящик, монстра, монументального, как саркофаг Тутанхамона.

И мир сомкнулся вокруг него. Закрутилась жизнь, закипела. Время потекло между периодами пожирания. Вокруг святыни появлялись разные руины, мраморные виллы, превращенные в гравий, мазанки бедняков, оливковые рощи, укрепрайоны. И конечно же – помойки. О помойках стоит рассказать отдельно. В завоеванных деревеньках мы обнаруживали чистоту, на полках – мытая посуда, ухоженные дворы. Но после садыков кругом царил разгром – союзники вели себя откровенно, как завоеватели. Вслед за штурмующими порядками поистине с кавалерийским куражом врывались мародеры, бесконечная вереница грузовиков. Чистили все под ноль, вплоть до оконных рам и проводов. Если вовремя не шамальнуть, можно было остаться без исподнего. Поэтому наш «Урал» напоминал бродячий цирк: печь буржуйская, матрасы, боеприпасы, разобранные палатки. И он – сундук. Жизнь подчинялась простому расписанию: брали укрепрайон, затем искали минимально разрушенный дом, который, ко всему прочему, будет проще оборонять, водворяли на самое почетное место нашего кумира и обкладывали его бомжовским бытом с печкой, керосинкой, матрасами вдоль стен. На цементных стенах – арабская тарабарщина, следы пуль и осколков, а кое-где – мозгов. Почерневшая кровь в том или ином углу (засыпали мусором, да и забыли). Прострелянные, в бурых пятнах одеяла – на окна. Считаем, обжились. Разобрались с соседями, кто где. Все свободные от «глаз» на мародерку – дрова, посуда, сувениры. Мирняка давно нет, до турецкой границы чуть более пяти километров. Так что все там. Ближайший вражеский окоп в девятистах метрах, на противоположном хребте, под ним виднеется вершина покосившегося минарета. Еще деревня, но чужая. Скоро обязательно возьмем. На серпантине дороги три черных остова. Садыки здорово стреляют из ПТУРа. Ракет не считают, щедро кидаются ими даже в группы из двух-трех человек. Не жалко – Большой Брат подвезет. А сейчас добыча проходит под хохот и шипение мин. Банг! Хвать вязанку и побежал. Следом кто-то катит инвалидное кресло, заваленное оловянной посудой, мотыгами и черт еще знает чем. Боевой бомж силен в тараканьей приспособляемости к обстоятельствам. Полк под литерой «ихтамнет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.